

ФИГУРЫ ИСТОРИИ,
ИЛИ
«ОБЩИЕ МЕСТА»
ИСТОРИОГРАФИИ

**Санкт-Петербургские чтения
по теории, методологии
и философии истории**

Институт международных образовательных программ СПбГПУ
Санкт-Петербургский общественный
«Фонд культуры и образования»

**ФИГУРЫ ИСТОРИИ,
ИЛИ
«ОБЩИЕ МЕСТА» ИСТОРИОГРАФИИ**

Санкт-Петербург
Издательство
«Северная Звезда»
2005

УДК 94(47)
ББК 63

Редакционная коллегия:
С.Н. Погодин, Г.Н. Попов,
Е.А. Ростовцев, А.Н. Цамутали

Ответственный редактор:
А.В. Малинов

Издается при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант 05-01-14015г) и
Правительства Санкт-Петербурга

Фигуры истории, или «общие места» историографии. Вторые санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2005. — 460 с.

ISBN 5-901-954-26-2

В сборник включены материалы Вторых санкт-петербургских чтений по теории, методологии и философии истории, проходивших 22–23 апреля 2005 г. В статьях рассматривается широкий круг вопросов, посвященных теории и философии истории, соотношению историографии и литературы, языку истории и др.

Для всех интересующихся теорией и философией истории, русской историографией.

ISBN 5-901-954-26-2

© Издательство
«Северная Звезда», 2005
© Авторы статей, 2005
© А. Семаш, обложка, 2005

ИСТОРИОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

<i>С.И. Ковальская.</i> От историологии к историографии: эволюция исторического знания казахов	193
<i>В.В. Ковригин.</i> Современная историография и школьные учебники истории . . .	199
<i>А.В. Малинов.</i> Историология литературы Н.И. Кареева	204
<i>С.Н. Погодин.</i> В.И. Герье в исторической литературе	248
<i>Е.А. Ростовцев.</i> Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе	303
<i>А.В. Свешников.</i> Образ истории в советской детской художественной литературе (по страницам книги Н.П. Кончаловской «Наша древняя столица») . . .	342
<i>М.М. Шахнович.</i> Отечественная историография 20–70-х гг. XX века об античном свободомыслии	356
<i>И.В. Черказьянова.</i> А.А. Клаус — первый официальный историограф российских немцев	365

ИСТОРИЯ ТЕКСТОВ И ТЕКСТ ИСТОРИИ

<i>Н.В. Воробьева.</i> Идеиные и духовные аспекты литургических реформ патриарха Никона в американской историографии	371
<i>А.Г. Давыденкова.</i> Историко-культурные основания российской институционализации	379
<i>Ф.С. Корандей.</i> Первая критика « <i>Navigatio Sancti Brendani Abbatis</i> »: опыт комментария	389
<i>О.В. Куварзина.</i> О понятии «скоморошества»	393
<i>Т.Ф. Ляпкина.</i> Теория сибирского областничества в историографии Сибири . . .	396
<i>И.В. Потапов.</i> Британская система местного управления XIX века в современных исторических дискурсах	408
<i>О.С. Свешникова.</i> Тасканки и горемычки, или об одной стилистической особенности работ советских археологов 1930-х гг.	416
<i>Ю.А. Топчиян.</i> Текст поведения римлянина в текстах Плавта	421
<i>Л.Н. Харченко.</i> Современная историография о роли Православной церкви в культурном развитии сибирского региона (вторая половина XIX в.). Тенденции и направления	429
<i>Т.В. Чумакова.</i> Изучение истории Академии наук во второй половине XIX в. . .	440
<i>И.В. Якубовская.</i> Историко-культурный текст викторианской эпохи: коттедж в образе жизни англичан XIX в.	450

ДИСКУРС «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I

В XX веке, в условиях постепенного отказа от кумулятивистского понимания истории науки (согласно которому фундаментальные основоположения научного знания имеют абсолютный и вечный характер) основной задачей науковедения стал поиск новых инструментов для объяснения процесса эволюции науки¹. Закономерно в этой связи, что проблема «научной школы» — одна из центральных для истории любой отрасли знания. Не является исключением и историческая наука. Не случайно, что уже со второй половины XIX в. с началом становления собственно научной историографии возникает интерес понятию «научной школы». Так или иначе схолярная проблематика затрагивалась в трудах В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.И. Багаляя и других крупнейших дореволюционных историков².

В это время возникают такие важные понятия схолярной историографии, как «государственная школа», «юридическая школа», «скептическая школа», «московская школа». Не случайно, что именно в это время впервые появляется и понятие «петербургская историческая школа», мы не ставим здесь задачи анализа «петербургской школы» как явления (историографического факта) и реконструкции ее истории, а постараемся рассмотреть процесс формирования дискурса «петербургской школы» в историографии.

Прежде всего, несколько слов о понятии «научная школа», о котором в течение многих лет идут непрекращающиеся споры. Важно подчеркнуть, что споры эти шли еще задолго до того, как постмодернизм приобрел значимое влияние в интеллектуальной среде, и касались не столько легитимности самого этого понятия, сколько выяснения его логических оснований. Сборник «Школы в науке» (1977)³ который являлся на тот момент своеобразным итогом дискуссии в отечественном науковедении, показал множественность подходов к определению «научной школы». Обоснованным выглядит мнение одного из участников сборника отметившего, что можно сформулировать понятие о научной школе как эмпирическом обобщении, но единые теоретические критерии в определении этого понятия найти сложно⁴. Один из авторов сборника В.Б. Гасилов приводит порядка 30 определений понятия «школа», существующих в науковедении⁵.

Как известно, на разработку проблемы научной школы значительное влияние оказали общие модели развития научного знания К. Поппера, И. Лака-

тоса, Т. Куна и выдвинутые ими концепции «научно-исследовательских программ», «парадигм» «матрицы»⁶, ориентированные на негуманитарные науки. Этим во многом можно объяснить и то обстоятельство, что западное науковедение, социология и философия науки, разрабатывающие проблему «научных школ» основное внимание уделяло изучению этого понятия на материале истории естественных и точных областей знания. Среди гуманитарных дисциплин в большей степени разрабатывалось понятие «школы» в лингвистике, психологии, социологии и литературоведении, т.е. в тех областях знания, где определенные «школы» (научно-исследовательские программы) сыграли решающую, институционализирующую роль в оформлении соответствующих научных дисциплин⁷. История как наука, которая на протяжении уже двух столетий обладает прочным академическим статусом, в меньшей степени нуждалась в разработке этого понятия, тем более, что исторические школы, начиная с Л. Ранке и, заканчивая «школой Анналов», скорее, означали начало нового этапа развития предшествующей традиции. В России долгое время ситуация осложнялась тем, что марксистская философия науки и науковедение предельно жестко увязывали развитие научно-исследовательских программ в гуманитарных науках с процессом социально-экономической эволюции общества⁸. В этих условиях детальная теоретическая разработка понятия «научной школы» в исторической науке была невозможна.

Неудивительно, что длительное существование понятия «научной школы» в исторической науке отнюдь не способствовало установлению какой-либо конвенции среди историков относительно существования этого термина. Так, в работе 1978 г. И.Л. Беленький справедливо подчеркнул, что основания наименований исторических школ в отечественной историографии различны, указав, что в их основе лежат «разнородные политическая, социальная общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследований; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; персонологичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков». И.Л. Беленький также констатировал, что «сложившаяся к настоящему времени в исторической науке мозаика имен, денотаты которой часто перекрещиваются, налагаются друг на друга, отражает, фиксирует различные по времени и по природе имена...»⁹. Дискуссии более позднего вряд ли изменили положение вещей. Их обзоры приводятся в работах Г.П. Мягкова¹⁰, В.П. Корзун¹¹, С.И. Михальченко¹², С.Н. Погодина¹³ и других авторов. На сегодняшний день мы вынуждены констатировать крайнюю расплывчатость категории исторической школы вообще, петербургской, в частности. Например, С.И. Михальченко путь из тумана расплывчатых определений видит в

выработке «иерархии критериев» в изучении феномена школы. Эта иерархия, по мнению С.И. Михальченко, может быть следующая: 1) «педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников»; 2) «методы и принципы обработки источников»; 3) «методологическая (теоретическая, философская) общность»; 4) «близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований»¹⁴. В целом путь, предложенный С.И. Михальченко, кажется перспективным при изучении «образовательных» школ. Однако очень часто научная школа понимается не в образовательном смысле, а как направление в науке, и здесь иерархия критериев может быть иной. Неслучайно, что целый ряд авторов, анализирующих базовые вопросы развития отечественной исторической науки конца XIX — начала XX вв., до сих пор, по существу, предпочитают избегать обсуждения самой проблематики «научной школы»¹⁵. По-видимому, отмеченные методологические трудности обусловлены как множественностью подходов к определению «научной школы» в науковедении, так и недостаточной легитимностью истории как научной дисциплины.

В условиях отсутствия общепризнанных критериев оценки «школы» в исторической науке особое значение для понимания феномена «петербургской школы» приобретают те объяснения и определения ее характера, которые присутствуют в современной историографии. Именно поэтому нельзя уклониться от попытки ответить на вопрос, что думают историки о «петербургской исторической школе» и почему они так думают? Иными словами, попробуем разобраться, как формировался дискурс «петербургской школы», что, конечно, можно сделать лишь постоянно имея в виду и дискурс противостоящей ей «московской школы». Подчеркнем, что термин «дискурс», выработанный в рамках постмодернистской традиции, в данной ситуации оправдан независимо от нашего отношения к этой традиции в целом.

Напомним, что к «петербургской школе» относят таких историков рубежа второй половины XIX — начала XX вв., как К.Н. Бестужева-Рюмин, В.Г. Васильевский, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.Ф. Шмурло, Н.Д. Чечулин, В.Г. Дружинин, Н.П. Лихачев, С.М. Середонин, С.В. Рождественский, А.Е. Пресняков, М.Д. Приселков и др. К «московской школе» того же времени обычно относят С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и его учеников, таких как П.Н. Милюков, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин и др.

II

С нашей точки зрения, *начальный этап* формирования дискурса «петербургской школы» приходится на 1890-е — 1940-е гг. Особое значение здесь имеют высказывания трех видных историков — П.Н. Милюкова, А.Е. Преснякова и С.Н. Валка, на которые, как правило, обращали внимание в литературе. Однако в полной мере понять смысл и причины этих высказываний можно

только прояснив основные моменты того историографического и социального контекста, в котором они были сделаны.

Почти все исследователи, которые активно использовали дискурс «петербургской школы», среди историографических источников указывали на суждения П.Н. Милюкова. Отношение П.Н. Милюкова к методологии научной работы «петербургской школы» довольно ясно проявилось уже в начале 1890-х гг., когда он обвинил петербургских историков, сосредоточенных на «источниковедческих и историографических» темах, в односторонности, высказав мнение вполне в стиле школы В.О. Ключевского о том, что «критическая оценка источника (речь шла об исследовании петербургским историком С.М. Середониным сочинения Д. Флетчера “О государстве Русском” — *Е.Р.*)... должна не предварять реальное изучение, а быть выводом из него или, по крайней мере, идти с ним об руку». ¹⁶ Посчитав, что «среди самих последователей школы уже заметно сознание односторонности изображенного направления и делаются попытки вернуться к реальному изучению», неудачу сочинения С.М. Середонина Милюков связал с тем, «что старая закваска школы не совсем выдохлась и продолжает оказывать вредное влияние на исследователей, это особенно ярко видно на примере разбираемого исследования» ¹⁷. Вот как отреагировала на такую постановку вопроса о «школах» Н.Н. Платонова (жена историка С.Ф. Платонова, запись 28 февраля 1892 г.): «В этой (февраль 1892 г. — *Е.Р.*)... книжке Русск[ой] Мысли помещена очень странная рецензия Милюкова на книгу Середонина, которая (книга) якобы доказывает, что петерб.[ургская] школа (историческая) раскаялась в своих прежних заблуждениях и решила обратиться на путь истинный. Васильевский и С.Ф. [Платонов] недовольны этой рецензией» ¹⁸.

Необходимо отметить, что П.Н. Милюков ставит вопрос о различии в подходах к историческому знанию Петербурга и Москвы в 1892 г., в очень напряженный момент своей научной карьеры, связанный с защитой его магистерской диссертации (которую он безуспешно пытался выдать за докторскую) его претензиями на получение кафедры В.О. Ключевского в Московском университете ¹⁹. В этой ситуации П.Н. Милюкову важно было позиционировать себя как достойного последователя направления С.М. Соловьева — В.О. Ключевского и лидера «московской школы». В известной статье «Источники русской истории и историография» (1899) П.Н. Милюков вновь упрекал петербургских историков, последователей К.Н. Бестужева-Рюмина, в том, что в их работах «ученое творчество отступает ... на задний план перед осторожным эклектизмом: критика источников получает перевес над пользованием ими» ²⁰.

Надо сказать, что при всей определенной обусловленности высказываний П.Н. Милюкова они, по-видимому, реально отражали ощущения «разности» школ историков двух столиц. Действительно, московские и петербургские историки, несомненно, не только чувствовали свою корпоративность, но и

противопоставляли методологию научной работы друг друга²¹. Особенно ярко это проявилось в сдержанных откликах, сделанных лидерами двух основных течений петербургской исторической науки — университетского (С.Ф. Платонов) и академического (А.С. Лаппо-Данилевский) — на смерть лидера «московской школы» В.О. Ключевского в 1911 г. Так, С.Ф. Платонов в некрологе, посвященном московскому ученому, подчеркнул, что значение В.О. Ключевского совсем не в «совершенстве его схемы», а в «таланте исследователя», «красоте его художественного творчества»²². В статье, посвященной памяти В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевский, анализируя систему взглядов В.О. Ключевского, указал, «социологичность» его точки зрения на историю, зависимость его схемы от взглядов С.М. Соловьева. Примечательно, что А.С. Лаппо-Данилевский явно критически относился как раз к тому, чем, по его словам, В.О. Ключевский «пополнил схему, принятую Соловьевым», а именно положением о доминирующей роли социальных и экономических факторов в истории²³.

Можно сказать, что хотя понятие «петербургской школы», будучи в негативном смысле сформулированным таким видным представителем «московской исторической школы», каким являлся П.Н. Милоков, не нашло распространения в дореволюционной литературе, хотя определенные методологические (а не только корпоративные) основания у него все-таки были. На них, уже с «петербургской стороны», в 1918 г. указал один из крупнейших ученых Петроградского университета — А.Е. Пресняков, который являлся учеником С.Ф. Платонова и в определенном смысле — А.С. Лаппо-Данилевского.

С первых шагов на профессиональном поприще для А.Е. Преснякова было характерно глубоко критическое отношение к современному ему состоянию науки, в частности, по отношению к так называемой «юридической школе». В своем дневнике (июль 1890 г.) он дает ей такую характеристику: «Юридическая школа русской историографии — одно из течений западничества и источник ее философский... Изучение [этой школой русской истории], очевидно исходило постоянно из предвзятой мысли. И это почти сознательно: в истории непременно искали “начало”»²⁴.

А.Е. Пресняков вводит термин «Петроградская историческая школа» в определенном историографическом контексте, связанном с анализом научной литературы по истории России XIII—XV вв. В речи перед защитой диссертации А.Е. Пресняков развивает свои историографические наблюдения, помещенные в начале представляемой работы. Эти наблюдения, содержащиеся в предисловии и введении (Историографические заметки) приводят автора к выводу о научной уязвимости традиции историко-юридической школы С.М. Соловьева — В.О. Ключевского. А.Е. Пресняков пришел к выводу, что подбор фактов и интерпретация источников в трудах представителей этой школы вторичны и подчинены теории, социологической схеме. Напротив, А.Е. Пресняков пред-

принял попытку восстановить, по его словам, «права источника и факта». Однако, если в тексте монографии (диссертации) А.Е. Пресняков ограничивается противопоставлением методологии своих научных штудий предшествующей традиции, то в речи перед защитой А.Е. Пресняков объясняет это противопоставление своей принадлежностью к «Петроградской исторической школе»: «...пришел я к попытке пересмотра некоторых основных вопросов русской истории в духе воспитавшей меня исторической школы». А.Е. Пресняков отмечает, что ее характерной чертой был «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». А.Е. Пресняков предлагает схему исторического процесса, альтернативную схемам «московской исторической школы». «Это тоже схема, — пишет А.Е. Пресняков о своей концепции, — но в ней вижу законное преобладание роли материала...»²⁵. В своих рассуждениях А.Е. Пресняков отождествляет «петербургскую историческую школу» со школой С.Ф. Платонова.

Примечательно, что реакция на пассаж А.Е. Преснякова у оппонентов диссертанта (С.Ф. Платонова и С.В. Рождественского) была различной. Если, по словам С.Ф. Платонова, исследование А.Е. Преснякова совершило «эмансипацию от "схем" более полувека господствующих в нашей историографии»²⁶, то С.В.Рождественский (тогдашний заведующий кафедры русской истории, ученик С.Ф. Платонова) предпочел не ссориться с московскими и коллегами и не согласился с диссертантом, оспорив утверждение А.Е. Преснякова о том, что история северо-восточной Руси была подчинена в исследованиях его предшественников некой схеме²⁷, ведь, как подчеркивал оппонент, «читатель (диссертации А.Е. Преснякова — *Е.Р.*) не выносит впечатления, что история северо-восточной Руси стала "жертвой" схемы, которая уже около полувека залегает как магистраль всего развития русской исторической науки. Из тех же замечаний автора не видно, каким бы иным, более нормальным, по его мнению, путем могла пойти наука... В каком беспомощном положении оставалась бы наука без тех схем и теоретических подходов, в котором автор односторонне усматривает источник рокового заблуждения»²⁸.

Необходимо отметить, что А.Е. Пресняков обращается к понятию «петербургской школы» так же в очень сложной для себя ситуации. 1918 г. — время мучительного выбора для многих историков круга С.А.Е. Преснякова — согласиться ли на сотрудничество с новой властью? Интересно, что в этот период у многих петербуржцев отношения с большевистским режимом складываются лучше чем у москвичей. Резко отрицательно относясь к новой власти, С.Ф. Платонов и его ученики, равно как и ученики его учеников (прежде всего, ученики А.Е. Преснякова), тем не менее, начинают сотрудничать с ней. С.Ф. Платонов возглавляет Петроградское отделение Главархива, а А.Е. Пресняков становится его заместителем. Примечательно, что в это вре-

мя политизированное поведение москвичей, оппозиционному режиму, критически воспринимается кругом С.Ф. Платонова. На «развал организации и работы в Москве» сетует и А.Е. Пресняков, который летом и осенью 1918 г. пытается выступить посредником между председателем Главархива (Центроархива) Д.Б. Рязановым и москвичами (М.К. Любавским, А.И. Яковлевым, М.М. Богословским, С.А. Белокуровым и др.)²⁹. Показательна в этом смысле запись в уже упомянутом дневнике Н.Н. Платоновой 14/27 декабря 1918 г.: «Москвичи, по-видимому, не сумели поставить себя по отношению к Рязанову не умели давать ему отпор, когда нужно, вследствие этого он там держится падишахом, дает волю своей нервности, непрерывно “разносит” кого-нибудь — в результате все запуганы и ненавидят его всеми фибрами своего существа; конечно, это совершенно понятно; грустно только, что они как будто больше заняты своей ненавистью, чем своим непосредственным делом и этим подают м.б. Ряз[ано]ву лишний раз повод для доносов. Николаеву (начальник Архива Министерства народного просвещения — Е.Р.) показалось, что москвичам не понравилась позиция Преснякова по отношению к Рязанову: и в прошлое пребывание Преснякова в Москве там нашли, что он слишком сблизился с больш[евика]ми, а этот раз это мнение, по-видимому, только окрепло, т[ак] к[ак] Пресняков находится в добрых отношениях с Рязановым»³⁰. Несомненно, А.Е. Пресняков об этом отношении москвичей знал, и в этой ситуации искал опоры в корпорации «петербургских историков». При этом не следует забывать, что в 1918 г. вопрос о победителе в гражданской войне еще оставался открытым, и А.Е. Преснякову важно было подчеркнуть свой внепартийный профессионализм и принадлежность в этом смысле к школе С.Ф. Платонова, которого трудно было упрекнуть в левых взглядах.

Свои рассуждения о «петербургской школе» А.Е. Пресняков повторяет и в своей книге о А.С. Лаппо-Данилевском, изданной в 1922 г. Однако в последнем сочинении историографические позиции А.Е. Преснякова претерпевают некоторые изменения. Он решительно отделяет историко-юридическую школу, к которой относит А.С. Лаппо-Данилевского, от московской. Позиции А.С. Лаппо-Данилевского А.Е. Пресняков противопоставляет установкам как московской, так и «петербургской исторической школы»³¹. Вряд ли А.Е. Пресняков кардинально поменял свои взгляды, скорее, изменилась историографическая ситуация. А.Е. Пресняков, все теснее сотрудничающий с школой М.Н. Покровского, тем не менее, пытался не порывать связей со старой исторической наукой. В этой ситуации он, с одной стороны, подчеркивает отстраненность покойного А.С. Лаппо-Данилевского от «петербургской школы» во главе с лидером С.Ф. Платоновым (бывшего на протяжении многих лет постоянным оппонентом А.С. Лаппо-Данилевского), с другой стороны, — указывает на различие «московской школы» и историко-юридической школы, что как бы несколько смягчает критику в отношении

схем «московской школы», имея в виду под ней уже школу В.О. Ключевского (а не С.М. Соловьева).

Те же мотивы звучат и в статье А.Е. Преснякова о В.О. Ключевском (1922 г.). С точки зрения А.Е. Преснякова, «соловьевскую схему» В.О. Ключевский принял из прагматических и педагогических соображений³². С точки зрения петербургского историка, большое значение и для самого В.О. Ключевского, и для науки имеет не его «схема», а его специально-исторические работы. А.Е. Пресняков замечает, что В.О. Ключевский сам вел борьбу с «веригами схематизации» С.М. Соловьева и что «сильный протест» против нее «сказывается в самой утрировке Соловьевских формул»³³ — в результате в трудах В.О. Ключевского была «исчерпана Соловьевская традиция, а тем самым освобождена русская историческая мысль для более свободной и широкой работы вне связанности ее преданием, которое стало шаблоном»³⁴. Интересно, что, рецензируя в 1923 г. «Вестник социалистической академии»³⁵, А.Е. Пресняков особо подчеркивал близость своей характеристики творчества В.О. Ключевского к оценке, данной последнему М.Н. Покровским, который «отрицал какую-либо оригинальность за общей концепцией русской истории у В.О. Ключевского, который произвел лишь литературную переработку (и, добавлю, — замечает А.Е. Пресняков, — яркую конкретизацию в деталях) соловьевско-чичеринских схем»³⁶.

Однако вряд ли А.Е. Преснякову удалось решить задачу сохранить «отношения» и с М.Н. Покровским, и с «московской школой», и «школой С.Ф. Платонова». Скорее, наоборот, А.Е. Пресняков оказывается в определенной изоляции — в условиях напряженного научного противостояния того времени «усидеть на трех стульях» было невозможно. Дело в том, что 1920-е гг. под натиском новой идеологизированной науки и «школы Покровского» происходило стихийное объединение сил «старой школы» вокруг нескольких переживших революцию ученых старшего поколения (сохранивших ведущие позиции в системе Академии наук), наибольшее влияние из которых имел С.Ф. Платонов, включая учеников В.О. Ключевского, сторонников и учеников А.С. Лаппо-Данилевского. Впрочем, это положение лидера и предопределило драматический конец карьеры и жизни ученого, оказавшегося одной из центральных фигур в сфабрикованном ОГПУ «Академическом деле»³⁷. Интересно, что в 1923 г. почти одновременно с книгой А.Е. Преснякова о А.С. Лаппо-Данилевском, в статье ученика М.Н. Покровского, марксиста В.И. Невского, далекого от «отношений» внутри «старой школы», начинает формироваться и иная линия, рассматривающая творчество А.С. Лаппо-Данилевского как представителя «петербургской исторической школы»³⁸.

С конца 1920-х тема «петербургской школы» долгое время практически не поднимается в отечественной историографии. Этому не способствовали «Академическое дело» 1929—1931 гг. и сопровождавшие его погромные об-

суждения, направленные против «старой школы», вне зависимости от направлений. Действительно, обсуждение проблемы «петербургской» и «московской» школ прекращается в период разгрома этих двух основных профессиональных корпораций историков дореволюционной России.

Характерно, что в учебнике по русской историографии (1941) Н.Л. Рубинштейн использует понятие «московская школа историков» (которая в его изложении с некоторыми оговорками отождествляется со школой В.О. Ключевского)³⁹, однако воздерживается от термина «петербургская школа», подчеркивая, что «историческая работа в Петербургском университете развивалась ... под воздействием различных скрещивающихся влияний»⁴⁰ в числе которых он выделяет влияние «официального направления» (К.Н. Бестужев-Рюмин), «буржуазного экономизма» (В.О. Ключевский), «источниковедческого направления» (В.Г. Васильевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.А. Шахматов)⁴¹.

Аналогично складывается ситуация и в эмигрантской историографии. Г.П. Федотов в известной статье «Россия Ключевского» (1932)⁴² подчеркивает связь идей школы В.О. Ключевского с общей тенденцией русской общественной мысли политическим и радикальным выражением был марксизм. Как считает Г.П. Федотов, к школе В.О. Ключевского принадлежат «все московские и петербургские историки последних десятилетий». По словам Г.П. Федотова, «глава петербургской школы Платонов» лишь «усовершенствовал схему Ключевского, продвинулся дальше его — в том же направлении». В то же время автор статьи указывает на особое место А.С. Лаппо-Данилевского по отношению к школе В.О. Ключевского: «В стороне стоял Лаппо-Данилевский, человек огромной культуры, мысливший в терминах философского идеализма, которого обесплодило собственное богатство». «Придавленный критицизмом, — пишет далее о А.С. Лаппо-Данилевском Г.П. Федотов, — он не мог отважиться на историческое построение в большом стиле и воспитал целую школу скорпуплезных дипломатистов и архивистов, русскую *École des Chartes*».⁴³ Характерно, что впоследствии схожие взгляды на фигуру В.О. Ключевского и его значение его школы выражал и другой русский историк-эмигрант Г.В. Вернадский, который хотя и использовал понятие «московской» и «петербургской» школы, но употреблял их в ограниченном «учительско-ученическом» смысле: школа В.О. Ключевского и школа С.Ф. Платонова⁴⁴.

Наибольшее влияние на последующую литературу оказали суждения П.Н. Милокова относительно «петербургской исторической школы», высказанные в четвертой части его воспоминаний («От студента к учителю и к ученому») в главе «Петербург и заграница». Эти воспоминания писались во Франции в конце жизни в 1940-х. Поэтому неудивительно, что ряд деталей, в том числе и связанных с общением с петербургскими коллегами представлен подчас неточно, однако для нас важен тот общий образ петербургской исторической школы, который вынес П.Н. Милоков из общения с петербургскими ис-

ториками в 1890—1891. Активные сторонники представления о «петербургской школе» как «школе восстановления прав источника и факта» в качестве важнейшего источника наряду с автором приведенной фразы А.Е.Пресняковым цитируют именно воспоминания П.Н.Милюкова. Однако следует учитывать, что в «Воспоминаниях» он представляет образ исторической школы, которая: 1) основное внимание уделяла источникам; 2) остановилась на изучении древнейшего времени; 3) подверглась к 1890-м гг. сильному влиянию «московской исторической школы»; 4) продолжала эволюционировать в этом направлении, в чем особенно преуспели представители молодого поколения С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков, Н.П. Павлов-Сильванский. Из текста «Воспоминаний» следует, что П.Н. Милюков, по-видимому, имел в виду именно их, когда писал о «молодых сторонниках московского направления»⁴⁵. Таким образом, не отказываясь от своих высказываний, сделанных в 90-е гг. XIX в., П.Н. Милюков в чем-то следует Г.П. Федотову, подчеркивая всеобъемлющее влияние на историческую науку того «московского направления», к которому он принадлежал.

Можно констатировать, что к середине 1940-х гг. казалось, что тот позитивный дискурс «петербургской школы», который провозгласил А.Е. Пресняков в 1918 г., утратил силу в исторической литературе. Однако в 1948 г. появляется работа С.Н. Валка (ученика А.С. Лаппо-Данилевского) «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» (написана в 1945 г.)⁴⁶ которая не только возродила позитивный дискурс «петербургской школы», но и придала ему новое звучание. Основные наблюдения автора связаны с процессом становления «петербургской исторической школы», важным итогом которого стала деятельность А.Е. Преснякова, давшего ей историографическое определение. В целом, соглашаясь с А.Е. Пресняковым, С.Н. Валк усматривал в родоначальниках школы еще петербургских профессоров 1840—1850-х гг. М.С. Куторгу и М.М. Стасюлевича и отмечал, что «все предшествующее наше изложение, как кажется, должно послужить к некоторому расширению представлений об истоках и началах петербургской исторической школы “научного реализма”, в составе которой В.Г. Васильевский является представителем уже среднего поколения». Сам С.Н. Валк к следующему поколению автор относил как С.Ф. Платонова так и А.С. Лаппо-Данилевского⁴⁷. Явно полемизируя с А.Е. Пресняковым, С.Н. Валк выразил мнение, что А.С. Лаппо-Данилевский оказал влияние не только на своих учеников, но и на «сложение умонастроения основных петербургских исторических кадров»⁴⁸. В то же время С.Н. Валк вслед за А.Е. Пресняковым подчеркнул, что А.С. Лаппо-Данилевский «рано разошелся с остальными членами» Кружка русских историков и занял на Историко-филологическом факультете «особое положение»⁴⁹. К сожалению, эта статья — лишь иллюстрация завуалировано высказанной точки зрения о научном значении методологии «петербургской исторической шко-

лы», общественно-политическая ситуация не давала ученому возможность открыто поставить проблему и провести ее научный анализ. Надо сказать, что стремление выделить петербургскую школу «научного реализма» из «буржуазной» и «идеалистической» исторической науки проявилось в высказываниях С.Н. Валка, сделанных еще в ходе дискуссии на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г., — правда тогда речь шла не обо всей «петербургской школе», а только о школе А.С. Лаппо-Данилевского. Поскольку эта дискуссия проходила во время упомянутого «Академического дела», по которому как один из главных обвиняемых проходил С.Ф. Платонов, С.Н. Валк был вынужден самым решительным образом противопоставить школу С.Ф. Платонова школе А.С. Лаппо-Данилевского. По его словам, научный метод А.С. Лаппо-Данилевского сильно отличался от «художественного» подхода С.Ф. Платонова и не получил «четкой классовой установки», а потому ученики А.С. Лаппо-Данилевского могут полноценно войти в марксистскую историографию⁵⁰. Тогда эта попытка встретила резкий отпор проводников линии М.Н. Покровского — С.Г. Томсинского и М.М. Цвибака. Возможно, что после частичной реабилитации начиная с середины 1930-х гг. «старой школы» в исторической науке и в условиях бытования «призрака» идеологической оттепели, наступившего в СССР в конце Второй мировой войны, С.Н. Валку казалось возможным сделать следующий шаг, направленный на поддержку традиций и пропаганду наследия своих учителей. Но в тот момент, когда статья была опубликована в 1948 г. политическая ситуация в обществе уже изменилась — режим начал «борьбу с буржуазным космополитизмом» и вновь стал «закручивать гайки» в идеологической сфере. Новым изменением политической и историографической ситуации можно объяснить то, что в статьях, посвященных анализу творчества А.С. Лаппо-Данилевского (1949)⁵¹ и А.Е. Преснякова (1950)⁵², Л.В. Черепнин обрушился с резкой критикой на историографические построения С.Н. Валка, как пропагандирующие реакционную буржуазную науку. Примечательно, что Л.В. Черепнин между тем не подвергал сомнению определение «петербургской школы», данное А.Е. Пресняковым и развитое С.Н. Валком, однако утверждал, что «проявление указанных традиций дореволюционной “петербургской исторической школы”... являлось показателем кризиса буржуазной исторической мысли, бессильной дать широкие исторические обобщения подлинно научного характера»⁵³.

После «приговора» Л.В. Черепнина исследователи долгое время к понятию «петербургской школы» не возвращались. Однако представляется, что дело здесь заключается вовсе не в «приговоре», а в том, что после постепенного возрождения историографических исследований с конца 1950-х гг. понятие научной школы в том смысле, который придавали ему П.Н. Милоков, А.Е. Пресняков, С.Н. Валк, в литературе просто не находилось места. Дей-

ствительно, понятие «школы» в историографии долгое время рассматривалось скорее с точки зрения «истории идей» и проблематики исследований, нежели анализа специфики научной методологии. Тема «петербургской исторической школы» была снова широко востребована уже во второй половине 80-х гг. прошлого века с началом новой «оттепели» в исторической науке.

III

А.Н. Цамутали первым в новейшей отечественной исторической литературе поставил проблему «петербургской школы» и ее отношения к московской исторической школе. В монографии «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986)⁵⁴ в очерках, посвященных С.Ф. Платонову и А.С. Лаппо-Данилевскому А.Н. Цамутали рисует общую схему развития «петербургской школы», опираясь, прежде всего, на рассуждения А.Е. Преснякова и П.Н. Милюкова. При этом А.Н. Цамутали замечает, что «резко противопоставляя “московскую” и “петербургскую” школы, Милюков прибегал к известному упрощению общей картины, рисовавшей положение дел в русской исторической науке. Впрочем, и в его трактовке московские и петербургские историки не являли собой по отношению друг к другу некую крайнюю противоположность».⁵⁵ Автор имеет в виду мнение П.Н. Милюкова о том, что С.Ф. Платонов выступал «в роли носителя компромиссных традиций между двумя школами»⁵⁶. По-видимому, А.Н. Цамутали разделяет эту точку зрения, вслед за П.Н. Милюковым, отмечая, что «петербургская школа» «даже после того как подверглась влиянию московской, сохранила связь с взглядами старшего поколения»⁵⁷. Вслед за А.Е. Пресняковым А.Н. Цамутали подчеркивает как обособленное положение А.С. Лаппо-Данилевского и его школы по отношению «к школе Петербургского университета» во главе с С.Ф. Платоновым⁵⁸, показывает критическое отношение А.С. Лаппо-Данилевского к московской исторической школе (В.О. Ключевского)⁵⁹. В то же время автор выдвигает гипотезу о «влиянии А.С. Лаппо-Данилевского» на С.Ф. Платонова в области теории источниковедения, в частности в вопросе о «внутренней критике источника»⁶⁰.

В целом ряде своих статей, появившихся в печати в 1990-е гг., А.Н. Цамутали развил идеи относительно «петербургской школы». В статье «Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX века» (1993) А.Н. Цамутали обозначил проблематику предстоящих scholarly исследований: изучение особенностей московской и петербургской школ; изучение процесса их сближения и взаимовлияния в конце XIX — начале XX вв., изучение связи «дореволюционных школ» с историографией советского периода⁶¹. В статье «В.О. Ключевский и петербургские историки» (1995)⁶² автор исследует тему взаимоотношений историков «петербургской школы» с В.О. Ключевским, лидером «московской исторической школы». А.Н. Цамутали

приходит к выводу, что характер высказываний о творчестве В.О. Ключевского со стороны петербургских историков был различным: «сдержанно-критическим» у К.Н. Бестужева-Рюмина, «почтительным» у С.Ф. Платонова, «заинтересованно критическим» у А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова. Автор особо подчеркивает, что «идеи и труды Ключевского» «в той или иной форме оказали большое воздействие на петербургских историков».⁶³ В биографическом очерке С.Ф. Платонова, помещенном в первом томе издания документов по академическому делу (в соавторстве с Б.В. Ананьичем и В.М. Панеяхом), особо подчеркивается роль С.Ф. Платонова в создании «петербургской исторической школы»⁶⁴. Эту тему А.Н. Цамутали развивает и в статье «Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов» (1996)⁶⁵.

В статье «Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века» (1989)⁶⁶ С.В. Чирков детально рассмотрел вопрос о значении школы А.С. Лаппо-Данилевского и основанной им археографической традиции, развивая свои более ранние наблюдения⁶⁷. Рассматривая научную деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в рамках «петербургской школы», он противопоставлял его как традиции «московской школы», так и направлению С.Ф. Платонова. С.В. Чирков вслед за С.Н. Валком противопоставлял строго научное направление А.С. Лаппо-Данилевского «художественному» направлению С.Ф. Платонова и считал, что «у С.Ф. Платонова была по преимуществу учебная школа, а А.С. Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы»⁶⁸.

Под воздействием работ русских эмигрантов (в определенной степени и советской историографии) формировалось и понимание понятия «петербургской школы» и в новейшей западной историографии. В этом отношении показательна статья Т. Эммонса «Ключевский и его ученики» (1990). В ней автор подчеркнул, что влияние В.О. Ключевского на «русскую историографию конца XIX — начала XX века было всеобъемлющим», по его словам, «это становится очевидным, если обратиться к работам таких выдающихся представителей “петербургской школы” как С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский» и потому даже призвал отказаться от терминов «московская школа» и «школа Ключевского»⁶⁹.

На постановку проблемы «школы» в статье Т. Эммонса отреагировал Д.А. Гутнов, который указал, что наиболее частым критерием выделения «школы» все же являются «методические приемы, объединяющие группу исследователей», и с этой точки зрения, рассмотрев теоретические взгляды ряда ученых Московского университета конца XIX — начала XX века (в том числе В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова, П.Н. Милокова, М.М. Богословского и др.), пришел к выводу о «единстве методологической базы» их научных трудов, в основе которой было «рассмотрение истории с концептуальных позиций позитивизма», вера в возможность объективного познания и объясне-

ния прошлого, что определяло «очень внимательное отношение к историческому источнику... его скрупулезный анализ и тщательность сделанных на его основе выводов»⁷⁰.

Таким образом, в историографии 1980-х постепенно возрождается трактовка «исторической школы» с методологических позиций, а вместе с ней создаются предпосылки для воскрешения дискурса «петербургской школы».

Б.В. Ананьич и В.М. Панеях следуют в своих рассуждениях за А.Н. Цамутали и С.В. Чирковым, однако для их работ характерно стремление не только указать на общее направление «петербургской школы», но и дать развернутую характеристику ее истории и научного метода. В решении этой задачи Б.В. Ананьич и В.М. Панеях, прежде всего, опираются на анализ рассмотренных выше историографических источников (высказывания А.Е. Преснякова, П.Н. Милюкова и С.Н. Валка)⁷¹ и подчеркивают, вслед за А.Е. Пресняковым, что основной чертой «петербургской школы» был «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции». Во же время в своем понимании истории школы авторы не просто следуют дискурсу, сформулированному С.Н. Валком (бывшим одним из их учителей), но и развивают его в направлении большей «демонизации» «московской школы». Наиболее полно точка зрения авторов нашла отражение в их совместной статье «О петербургской исторической школе и ее судьбе» (2000)⁷². Авторы фактически солидаризируются с А.Е. Пресняковым, противопоставляя «петербургскую школу» московской, которую он, по их словам, отождествлял с «юридической» и которая «отличалась большей идеологизированностью и склонностью к систематизации»⁷³. Б.В. Ананьич и В.М. Панеях также усматривают сходство между «московской школой» и школой М.Н. Покровского, подчеркивая, что последний получил образование в Московском университете. Характеризуя школу М.Н. Покровского, авторы отмечают: «В противоположность принципам петербургской исторической школы, она основывалась не на анализе источников и установленных в результате него фактах, а на заранее заданной семе, доктрине, теоретических построениях. Этим новая историческая школа внешне походила на московскую, но теория положенная в ее основу, была резко противопоставлена исторической науке дореволюционного периода, а следовательно, обеим старым школам — и петербургской и московской. На смену гегельянству, позитивизму и неокантианству пришел марксизм в его ленинском толковании, правда, опирающийся на спекулятивно интерпретированную диалектику Гегеля»⁷⁴. Таким образом, авторы, по существу, не оставляют «московской школе» никаких профессиональных черт, кроме обращения к философским системам для осмысления истории. К числу представителей «петербургской исторической школы» Б.В. Ананьич и В.М. Панеях причисляют В.Г. Васильевского, К.Н. Бестужева-Рюмина, С.Ф. Платонова,

А.С. Лаппо-Данилевского, И.М. Гревса, С.Ф. Ольденбурга, Г.В. Форстена, С.В. Рождественского, А.Е. Преснякова, Н.П. Павлова-Сильванского, Б.А. Романова и других историков рубежа веков. Таким образом, в историографическом анализе Б.В. Ананьича и В.М. Панеяха сочетаются идеи Г.П. Федотова об общественной ангажированности «московской школы» (в противоположность петербургской) и идеи С.Н. Валка о специфике научного метода «петербургской школы».

Проблемы взаимоотношений внутри «петербургской исторической школы» В.М. Панеях затронул в своей монографии, посвященной жизни и творчеству своего учителя — Б.А. Романова⁷⁵. Б.А. Романов а priori рассматривается как представитель «петербургской исторической школы»⁷⁶. В.М. Панеях подробно дает характеристику этой школы, основываясь на тех же историографических источниках (высказывания А.Е. Преснякова, П.Н. Милюкова и С.Н. Валка)⁷⁷. В книге ярко показана настороженность Б.А. Романова по отношению к «москвичам». В.М. Панеях считает, что и в конце 40-х гг. именно «петербургская историческая школа оказалась особым объектом разностной критики»⁷⁸. Вообще сущность метода Б.А. Романова как представителя «школы» представлена автором, прежде всего, как продолжение метода его учителя — А.Е. Преснякова⁷⁹. Автор постоянно подчеркивает вслед за своим героем, что задачей Б.А. Романова было «возведение плотины из фактов»⁸⁰, или «сцепки фактов»⁸¹. Очевидно, что Б.А. Романов не рассматривал историю как строгую науку, и в этом отношении не имел строгих оснований своего ремесла. В этом, конечно, нельзя не усмотреть фундаментальное противоречие, присущее исследовательскому методу школы С.Ф. Платонова — А.Е. Преснякова, к которой он принадлежал. Оно заключалось в установке на строго рациональную и, в этом смысле, строго научную систему исследовательского анализа (ремесла историка), при отсутствии ясного представления о тех правилах, по которым должен строиться этот анализ, и, что не менее важно, фактического отказа от задачи определения конечной цели исторического познания и его места в системе научного знания. Это позволяло «ремеслу» избежать теоретической и философской ангажированности, но не давало твердых оснований для развития исторической науки. Не случайно, что в книге, с одной стороны, показано, что «Б.А. Романов пребывал в постоянном поиске новых приемов исследования, которые были ему необходимы для работы с источниками и для воссоздания как далекого, так и недавнего прошлого», но в то же время содержится и наблюдение о том, что «может даже показаться, что ... неповторимая профессиональная техника была приобретена сразу, в целом и навсегда». В.М. Панеях показал настороженное отношение Б.А. Романова к школе А.С. Лаппо-Данилевского. Однако, на наш взгляд, оно было связано не с тем, что ей было присуще, как полагает В.М. Панеях, «формулирование превентивных и тем более отвлеченных теоретических концепций, связанных

с философским осмыслением исторического знания», а в том, что Б.А. Романов, будучи представителем эмпирического направления «петербургской школы», сам не был склонен к формулированию и применению строгой системы методологии истории. Как показано в книге, в своих оценках школы А.С. Лаппо-Данилевского Б.А. Романов отчасти следовал за своим учителем — А.Е. Пресняковым. Из описаний преподавательской практики Б.А. Романова, приведенных автором, видно, что Б.А. Романов следовал своим учителям (С.Ф. Платонову, А.Е. Преснякову, А.С. Лаппо-Данилевскому, А.А. Шахматову)⁸², которые, в свою очередь, тоже продолжали традиции университета.

В отзыве на книгу В.М. Панеяха Б.С. Каганович, отметив, что рецензируемая монография является «важным и ценным исследованием» в то же время высказал ряд критических замечаний, связанных с пониманием В.М. Панеяхом историографических сюжетов «петербургской школы». По мнению рецензента, представление В.М. Панеяха о «петербургской школе» «грешит некоторым упрощением». Б.С. Каганович не согласен с резким противопоставлением методологии научной работы «петербургской школы» по отношению к «московской». Рецензент замечает: «...очевидно, что “беспредпосылочного знания” не существует и что интерпретация источников и фактов в очень значительной мере определяется нашим мировоззрением и ментальными установками». Б.С. Каганович указывает, что «петербургская историческая школа безусловно выработала свой стиль работы, заметно отличающийся от московского, но принципы научного исследования и закономерности исторического мышления одни и те же повсюду»⁸³. В то же время из рецензии не вполне ясно, какие особенности петербургского «стиля работы» выделяет сам Б.С. Каганович.

Широкую дискуссию вызвал доклад В.М. Панеяха и Б.В. Ананьича, посвященный «петербургской исторической школе», на «Третьих мартовских чтениях, посвященных памяти С.Б. Окуня», сделанный в 1997 г. Выступив на конференции с докладом «Петербургская историческая школа и ее судьба» авторы предложили свою концепцию «петербургской школы» на суд научной общественности⁸⁴. С критическими замечаниями в адрес концепции «петербургской школы», озвученной В.М. Панеяхом и Б.В. Ананьичем, выступил Ю.В. Кривошеев. Подчеркнув, что понимание термина «школа», продемонстрированное В.М. Панеяхом и Б.В. Ананьичем, «имеет право на существование», он в то же время выразил мнение о том, что «авторы по сути подменили понятие “научной школы” понятием “развитие исторической науки”». По мнению Ю.В. Кривошеева, «алгоритм творчества историка-профессионала “источник — факт — концепция”, предложенный авторами доклада в качестве основополагающего при определении “петербургской школы”, является, безусловно, классическим и даже каноническим для любого историка, но в то же время достаточно идеальным» и «до конца не осуществимым», работы же

крупнейших представителей «петербургской школы» (С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, Б.А. Романов) «отнодь “не идеальны” с точки зрения “канонической работы” с источником и историческим материалом». Дело в том, что, по мнению Ю.В. Кривошеева, процесс работы историка не является однолинейным, «и источник, и почерпнутый из него факт не должны становиться фетишами, но должны являться импульсами к созданию концепции». Сославшись на работы А.С. Лаппо-Данилевского, Ю.В. Кривошеев предложил выделять «исторические школы» не по методологии работы, а по исторической концепции. Далее Ю.В. Кривошеев отметил: «Рассуждая о петербургской школе, надо иметь в виду и конкретные этапы ее развития. Для каждого же этапа нужно говорить о том или ином научном лидере. Учитель — лидер — это направление, школа; в противном случае понятие расплывается без наличия Учителя как идейно и научно организующего элемента, бессильным становится любой подход к источнику»⁸⁵.

Д.Н. Альшиц в своем выступлении подчеркнул, что исторические школы различаются не только по концепциям, но прежде всего по методам работы с источниками. Характеризуя в этой связи «петербургскую историческую школу», Д.Н. Альшиц заметил, что, по его мнению, она «отличается своим непоколебимым, не подверженным никаким культурным влияниям методом исследования: источник (доскональное изучение его происхождения, достоверности, взаимоотношения со всеми другими относящимися к теме источниками) — факт — концепция», и с этой точки зрения противостоит многим другим школам, где формулирование эффективной концепции предшествует работе с источниками⁸⁶. Д.Н. Альшиц выразил мнение, что традиции «петербургской школы» сохранились и в «мрачные и страшные» 30-е гг. (особо остановившись на деятельности М.Д. Приселкова) и живы и по сей день⁸⁷.

В своем выступлении другой участник дискуссии А.Н.Немилов охарактеризовал ленинградскую школу медиевистики (учеников И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской), с точки зрения традиций «петербургской школы», назвав в качестве ее отличительной черты «строгий критический подход к источнику», подчеркнув, что традиции «классической методологии» А.С. Лаппо-Данилевского вполне могло сочетаться с «приобщением к марксизму»⁸⁸.

Б.Б. Дубенцов в своем выступлении вслед за Д.Н. Альшицом высказал мнение, что «петербургская школа» явление «отнодь не географическое», но основанное на принципе «источник—факт—концепция». С этой точки зрения, по мнению Б.Б. Дубенцова, встает вопрос: «кого к этой школе можно причислить безусловно, а кого — числить историками петербургскими, но не принадлежащими к петербургской школе». Б.Б. Дубенцов подчеркнул, что, по его мнению, «не нужно проводить жестких граней» между московской и петербургской школой, «поскольку между ними велась постоянная переписка», указав на то, что «Платонов многое заимствует у В.О. Ключевского»⁸⁹.

Будучи одним из редакторов сборника, в котором опубликованы материалы дискуссии по проблеме «петербургской школы», Т.Н. Жуковская поместила в нем очерк под названием «Некоторые размышления о петербургской исторической школе».⁹⁰ Целью этого очерка, по словам автора, было «обозначить собственную позицию» по этой проблеме. В начале очерка Т.Н. Жуковская задается коренным вопросом «что мы можем, а что не можем трактовать как петербургскую историческую школу». Отвечая на этот вопрос, автор, прежде всего, пытается выявить дефиниции самого понятия «школа». Ссылаясь на работу Е.В. Гутновой⁹¹, Т.Н. Жуковская отмечает, что критерием для выделения школы являются «общие методологические приемы, объединяющие группу историков вокруг одного ученого». Как пишет Т.Н. Жуковская, «школа предполагает осознанную близость между ее представителями на уровне техники и приемов исследования». В то же время, как подчеркивает автор, «проблема преемственности проблематики от учителя к ученикам вторична по сравнению с «методологическим наследством»»⁹². Далее Т.Н. Жуковская «намечает, те черты, которую отличали университетскую и академическую науку в Петербурге — Петрограде, единую в разнообразии многих школ». Среди них она называет «европеизм, открытость теоретическому и методологическому западному опыту»; «герметичность, ощущение науки как “государства в государстве”»; ощущение себя «в научной традиции», постоянная авторефлексия; междисциплинарность; «научный либерализм, поощряющий, а не преследующий инакомыслие»; «высокий нравственный критерий научных исследований». Вслед за рядом исследователей — в частности, за М.Б. Свердловым — Т.Н. Жуковская высказывает и следующее наблюдение: «До 1917 г. перед нами проходят уже четыре поколения петербургской школы “русских историков”, которая, если быть точным распадается на автономные школы А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, Г.В. Форстена, оформляющуюся к 1920-м гг. школу А.Е. Преснякова»⁹³. Таким образом, Т.Н. Жуковская, с одной стороны, как бы сомневается в наличии единой «петербургской школы», «намечая черты» «петербургской науки», а не единой научной школы, а с другой стороны, все же пишет о поколениях некоей общей «петербургской школы», однако воздерживается от характеристики ее методологических традиций. В то же время Т.Н. Жуковская задается вопросом: «Было ли прервано развитие исторической науки в рамках прежней традиции на рубеже 30-х гг. или же в ходе “восстановления прав” истории и исторического образования во второй половине 30-х гг. эти традиции были реанимированы?» Автор дает негативный ответ на этот вопрос. По мнению Т.Н. Жуковской, «уж слишком трансформированное развитие получила вся советская историография в ходе идеологических прививок, “отрицательной” кадровой селекции, отсутствия возможности для создания жизнеспособных научных школ по множеству направлений»⁹⁴. Безусловно, автор прав в своих оценках, если сопоставлять их с

названными им чертами «петербургской науки» (открытость западному научному опыту, либерализм, особый нравственный климат и т.п.), но ведь речь идет о «научной школе», а на этот вопрос, с нашей точки зрения, вообще затруднительно аргументированно ответить, воздерживаясь от характеристики единой методологической традиции «петербургской школы» 1850–1920-х гг. Таким образом, при всей своей ценности, очерк Т.Н. Жуковской ставит больше важных вопросов, чем предлагает ответов. Не внесла ясности в позицию Т.Н. Жуковской и ее статья «Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX–XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции» (2000)⁹⁵ — в этом обзоре под «петербургской школой» автор, по-видимому, понимает всех преподавателей и студентов историко-филологического факультета университета независимо от их методологических или историко-философских взглядов.

Из полемических суждений, направленных против концепции «петербургской исторической школы», изложенной в трудах Б.В. Ананьича и В.М. Панеяха, можно упомянуть и высказывания С.Н. Кистерева. В статье «Вехи в историографии русского летописеведения» (2003)⁹⁶ С.Н. Кистерев замечает, что выражение «петербургская историческая школа» «в суждениях о методологии исторического исследования представляется не более чем техническим термином. Если речь заходит об отражении философских теорий в развитии исторической науки, то следовало бы уточнить, какой из них придерживались те, кого причисляют ныне к “петербургской школе”». Однако, как считает С.Н. Кистерев, «такое уточнение... лишит “петербургскую школу” ореола исключительности в приверженности научной истине»⁹⁷. По-видимому, сам автор просто не склонен различать понятие «методологической» и «философской» традиции в историческом исследовании.

Несмотря на ряд недостатков, прежде всего некоторую декларативность в определении парадигмы петербургской школы, работы Б.В. Ананьича и В.М. Панеяха оказались тем «локомотивом», который ввел проблему «петербургской школы» (и более широко «школы» в исторической науке рубежа веков) в центр современных историографических дискуссий. В этом нам видится основная и несомненная заслуга этих исследователей.

С.О. Шмидт с несколько иных позиций рассматривает историографическую ситуацию начала XX в., особо подчеркивая влияние на С.Ф. Платонова как В.О. Ключевского, так и источниковедческой «петербургской школы», однако также указывает на конкуренцию и непростые отношения двух лидеров среди русских историков дореволюционного Петербурга — С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского.⁹⁸

Б.С. Каганович в своей работе «Е.В. Тарле и петербургская историческая школа» указывает: «Тарле, с его нелюбовью к отвлеченным спекуляциям и размашистым концепциям и стремлением восстановить живое прошлое “как

оно в действительности было», стал органической частью петербургской исторической школы, хотя он и не всегда пользовался филигранными методами источниковедческого исследования, выработанного в ней»⁹⁹. Очевидно, что при такой постановке проблемы правомерно было бы ожидать развернутой характеристики научного метода «петербургской школы». Однако в книге Б.С. Кагановича мы ее не находим. Неслучайно, как отметил в своей рецензии на книгу Б.С. Кагановича С.Н. Погодин, проблема «петербургской исторической школы», по- существу, не анализировалась¹⁰⁰. По-видимому, здесь дело в том, что само отношение Е.В. Тарле к числу представителей «петербургской школы» представляется спорным.

В.С. Брачев в 1990-е гг. многократно обращался к понятию «петербургская историческая школа», прежде всего исследуя творчество С.Ф. Платонова. Считая С.Ф. Платонова представителем нового поколения «петербургской школы», В.С. Брачев подчеркивает, что «возглавляемое им молодое поколение петербургских историков, сохранив унаследованную от К.Н. Бестужева-Рюмина и В.Г. Васильевского приверженность к конкретному изучению исторического материала, сумело вместе с тем избежать крайностей своих учителей»¹⁰¹. Впрочем, из изложения В.С. Брачева не вполне ясно, в чем именно эти «крайности» заключались, почему их удалось избежать и что нового внес С.Ф. Платонов в развитие «школы». Первоначально В.С. Брачев выделяет всего два основания «школы Платонова» — «идущую еще со времен К.Н. Бестужева-Рюмина и В.Г. Васильевского традицию “научного реализма, сказывающегося прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от разного рода умозрительных схем и построений”» и «лежащим в основе взаимоотношений С.Ф. Платонова со своими учениками, глубоком нравственном начале»¹⁰². Последнее замечание, вводящее в историческое построение этическую категорию без каких-либо разъяснений, выглядит загадочно. Правда, в последующих своих работах В.С. Брачев разъясняет свое понимание новаторской роли С.Ф. Платонова в «петербургской исторической школе». Согласно В.С. Брачеву, при С.Ф. Платонове «ориентация на разыскания источниковедческого плана хотя и была сохранена, но не была безусловной и распространялась, главным образом, на молодых, начинающих ученых как первое, крайне необходимое предварительное условие возможных обобщений исследовательского характера уже на втором, более зрелом этапе их профессиональной деятельности»¹⁰³. Особо указывает В.С. Брачев на методологическое единство школы С.Ф. Платонова, полемизируя с М.Б. Свердловым (1995) и отмечая «несомненную зависимость» А.Е. Преснякова от «исторических взглядов» С.Ф. Платонова¹⁰⁴. В.С. Брачев также подчеркивает, что единство школы С.Ф. Платонова заключалось «не в общности политических взглядов (увы, учитель был аполитичен)»¹⁰⁵. Странным образом, правда, это утверждение согласуется с представлением

В.С. Брачевым С.Ф. Платонова как яркого государственника, патриота, оппонента «либеральной партии» в университете¹⁰⁶, хотя, как отметил С.Ф. Брачев, С.Ф. Платонов «всцело следовал» либеральной историографии «в теоретико-методологическом и концептуальном плане». По-видимому, в этой связи В.С. Брачев использует несколько загадочный термин «либеральный консерватизм» для характеристики мировоззрения ученого¹⁰⁷. В работе, посвященной «Академическому делу» 1929–1931 гг. (в ходе которого пострадали многие представители «петербургской школы») (второе изд. — 1998), В.С. Брачев особо указывает, что «подоплека у “Дела историков” при неизбежных в таких случаях влияниях и случайностях все же историографическая» (а не политическая) и связана, прежде всего, с злокозненной деятельностью М.Н. Покровского и его школы¹⁰⁸. Эти утверждения не помешали автору в своей более поздней работе «Наша университетская школа русских историков” и ее судьба» (2001) найти еще одну черту «петербургской школы» — «замалчиваемые обычно нашими исследователями патриотические общественно-политические установки университетской школы русских историков»¹⁰⁹. В подтверждение этой точки зрения В.С. Брачев вновь обращается к анализу «Академического дела», называя уже в качестве его главной причины — «”борьбу на историческом фронте” и не устраивавшие власть государственно-патриотические установки “школы русских историков”»¹¹⁰. Полемизируя с Д.Н. Альшицом, который считает, что «петербургская — ленинградская школа историков» «жива по сей день»¹¹¹, В.С. Брачев отмечает: «мнение Д.Н. Альшица симптоматично, так как в наше время стало модным говорить о приверженности тех или иных современных ученых традициям петербургской школы: конкретному, непосредственному отношению к источнику и факту... И это, конечно же, хорошо. Жаль только, что главное — живая душа нашей университетской школы русских историков, как убежденных государственников и патриотов России, — остается при этом в тени. Хотелось бы надеяться, что позитивные перемены произойдут, в конце концов, и здесь, и наряду с вниманием к источнику и факту в числе востребуемых сегодня традиций петербургской исторической школы окажется и патриотизм»¹¹². Таким образом, согласно В.С. Брачеву, методологический критерий для определения «школы» уже недостаточен, необходимо следование определенным политическим принципам. В работе, посвященной исследованию творчества А.Е. Преснякова (2002), В.С. Брачев вновь подчеркивает «национально-консервативный настрой платоновского кружка» и объясняет этим «выпады» против методологии научной работы С.Ф. Платонова со стороны «либерального» А.Е. Преснякова¹¹³. Как видим, из последних работ В.С. Брачева читатель уже не может вынести определенное мнение, что же в «петербургской школе» являлось, с точки зрения автора, ведущим системообразующим фактором, — политическая позиция ее представителей или научная традиция. Не случайно,

что В.С. Брачев склонен резко отграничивать «университетскую» петербургскую школу русских историков, от «внеуниверситетских направлений», в частности, от школы А.А. Шахматова¹¹⁴ и А.С. Лаппо-Данилевского¹¹⁵. Ведь этих двух историков трудно отнести к «консерваторам». При этом автор исходит из априорного представления о том, что «петербургская школа» — это школа «государственника» С.Ф. Платонова. Вообще в последних работах В.С. Брачева патриотический пафос имеет уже такое значение, что он предпринимает атаку на то самое определение «петербургской школы», данное А.Е. Пресняковым в 1918 г., которое в работах середины 1990-х гг. являлось для самого В.С. Брачева основным при характеристике «петербургской школы». Историограф, в частности, предлагает вниманию читателя следующее исследовательское наблюдение: «Критическое отношение в отзыве С.В. Рождественского (фактически это был их общий отзыв с С.Ф. Платоновым) к выдвинутому А.Е. Пресняковым тезису о приоритете прав источника и факта в свете попыток некоторых историков представить его в качестве чуть ли не основного признака петербургской исторической школы принципиально важно. Парадоксально, но факт: ни С.Ф. Платонов, ни последователи его взглядов А.Е. Преснякова в этом вопросе не разделяли»¹¹⁶. Для исследователя творчества А.Е. Преснякова и С.Ф. Платонова данное утверждение загадочное, поскольку в упомянутой рецензии С.Ф. Платонова на диссертацию А.Е. Преснякова¹¹⁷ (которая несомненно В.С. Брачеву известна) содержится, напротив, его полная поддержка позиции диссертанта. В тоже время, если ведущим признать «патриотический» и «личный» фактор, то из «школы» следует исключить не только А.Е. Преснякова, но и многих других «непатриотичных» учеников С.Ф. Платонова (например, «непатриотичных» Н.П. Павлова-Сильванского и М.А. Полиевктова) и уж, конечно, «учеников учеников» — таких как, например, Б.А. Романов и С.Н. Чернов. С.Н. Валк же (которого, кстати, В.С. Брачев называет своим учителем¹¹⁸) оказывается бесконечно далек от петербургской школы сразу по двум основаниям — политическим взглядам и ученичеству у А.С. Лаппо-Данилевского. Однако все названные историки фигурируют в изложении В.С. Брачева как видные представители «петербургской школы». В.С. Брачев заявляет о необходимости «абстрагироваться от бесплодных, по его мнению, споров, связанных с изучением понятия научной школы в исторической науке» и изучать «конкретное научное сообщество историков»¹¹⁹. Однако очевидно, что подход, искусственно политизирующий историческую науку, заводит автора в положение, когда его собственные теоретические построения входят в резкое противоречие с излагаемым им историческим материалом. В то же время, следует признать, что с точки зрения решения задачи «исторической реконструкции» работы В.С. Брачева представляют значительную научную ценность: практически в каждой своей работе автор вводит в научный оборот новый обширный архивный матери-

ал, что выгодно отличает его труды от большинства работ современных историографов. В этом отношении особо следует отметить уже упомянутую выше монографию «"Наша университетская школа русских историков" и ее судьба». (2001). Фундаментальная источниковая база исследования позволила В.С. Брачеву представить широкую панораму развития исторической науки Петербурга рубежа XIX–XX вв., и хотя целый ряд выводов представляется спорным, эта работа кажется нам наиболее значимым вкладом в изучение проблемы «петербургской исторической школы», сделанным в последние десятилетия.

Противоречивые суждения В.С. Брачева о «петербургской школе» и ее представителях вызвали острую полемику. Основными оппонентами позиции В.С. Брачева выступили М.Б. Свердлов¹²⁰ и В.М. Панеях¹²¹. М.Б. Свердлов выступил с специальной брошюрой «О "петербургской школе историков", корректности историографического анализа, и рецензии В.С. Брачева» (1995)¹²², направленной на полемику с В.С. Брачевым, критически проанализировавшем на страницах журнала «Отечественная история», предпринятую М.Б. Свердловым публикацию работ А.Е. Преснякова «Княжое право в Древней Руси» и его «Лекций по русской истории»¹²³. В этой работе М.Б. Свердлов сделал особый акцент на проблеме «полицентричности» петербургской школы историков, подчеркнув, что «наряду с платоновским исследовательским направлением существовали научные кружки Г.В. Форстена — «форстеняты» и А.С. Лаппо-Данилевского», подчеркнув в этой связи и значение школы А.А. Шахматова. С позиций «полицентризма» «петербургской школы» М.Б. Свердлов подходит и к анализу взаимоотношений С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова, отмечая, что «идеи последнего были значительно шире, органично включая в себя достижения других направлений, частично совпадая с традициями С.Ф. Платонова, что вело к созданию новой научной школы — А.Е. Преснякова»¹²⁴. В работе автор ввел в научный оборот и новый источниковый материал — переписку А.Е. Преснякова с матерью и женой, который использовал, чтобы показать наличие значимых идейных и методологических расхождений между С.Ф. Платоновым и А.Е. Пресняковым. В.С. Брачев в свою очередь подготовил ответ М.Б. Свердлову (1996, опубликован в 2002)¹²⁵, в котором подчеркнул, что «научная близость историков, их принадлежность к определенной школе или направлению устанавливается не на основе субъективных личных признаний или умолчаний, а путем тщательного сопоставления опубликованных ими научных текстов», упрекнув М.Б. Свердлова с тем, что в его работах мы этого сопоставления не находим¹²⁶. Здесь следует, правда, отметить, что такого сопоставления мы не находим и в работах самого В.С. Брачева. В.С. Брачев также пишет в «Ответе М.Б. Свердлову» о том, что «традиции "школы" не умерли... М.Д. Приселков, С.Н. Валк, А.И. Андреев, Б.А. Романов и другие ее представители оставили после себя учеников. Некото-

рые из них активно работают в науке и в наши дни»¹²⁷. В этой связи остается совершенно непонятен пафос В.С. Брачева во время упомянутой полемики с Д.Н. Альшицом, когда он категорично заявлял, что, «к сожалению, всему в этом мире приходит конец. Не бывает вечных школ в науке»¹²⁸.

В.М. Панеях начинает полемику с В.С. Брачевым в 1998 г. на страницах журнала «Отечественная история», где поместил рецензию на упомянутую книгу В.С. Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов»¹²⁹. Рецензент пришел к выводу, что «В.С. Брачев не имеет никакого представления о критике источников как основе исторического и историографического построения», а потому «автор не справился со своей задачей — воссоздать жизненный и творческий путь одного из крупнейших российских ученых, чья деятельность совпала с расцветом петербургской исторической школы, принципами которой он руководствовался, много сделав как исследователь и профессор-наставник для их развития и углубления»¹³⁰. Автор рецензии также упрекает В.С. Брачева в политизированности изложения, по его мнению, «С.Ф. Платонов под пером В.С. Брачева в рупор крайне ретроградных и в этом смысле экзотических воззрений самого автора»¹³¹. В.С. Брачев вступил в ответную полемику с рецензентом на страницах журнала «Клио», где в свою очередь обвинил В.М. Панеяха и сочувственно отнесшегося к его рецензии Н.Н. Покровского¹³² в политической ангажированности, на что последовала ответная реплика В.М. Панеяха¹³³. Впрочем, эта полемика была связана главным образом с спором о методах использования следственных показаний по «Академическому делу», широко задействованных в труде В.С. Брачева, и ничего нового в обсуждение проблемы «петербургской школы» не внесла.

В книге «Киевская школа в российской историографии» (1996) С.И. Михальченко замечает: «Традиционным стало говорить о большей склонности москвичей к обобщениям, концептуальным построениям, а петербуржцев — к источниковедческой стороне изучения истории». С.И. Михальченко считает, что «понятие “московская”, “киевская” школы — фактически синонимы понятий “школа московского или киевского университета”, поскольку в конце XIX — начале XX вв. вне университетов в этих городах работало сравнительно немного профессиональных историков, часто это были те же университетские профессора в условиях совместительства». Что касается Петербурга, то вслед за С.В. Чирковым исследователь склонен «выделять университетскую школу Платонова и академическую А.С. Лаппо-Данилевского, хотя истоки у них были общие»¹³⁴.

Крайне осторожный подход к термину «петербургская историческая школа» демонстрирует С.Н. Погодин в монографии «“Русская школа” историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский» (1997)¹³⁵ — автор перечисляет различные критерии выявления самого понятия «историческая школа», не абсолютизируя ни один из имеющихся в науке подходов. Автор излагает имеющиеся в литературе мнения относительно «петербургской школы»

(А.Н. Цамутали, С.Н. Валк, В.М. Панеях, Б.В. Ананьич), но воздерживается от собственной оценки этих суждений. В статье «Научные школы в исторических науках» (1998) автор возвращается к этим размышлениям¹³⁶ и приходит к выводу о том, что «этот вопрос (о самом понятии “научная школа” — Е.Р.) остается открытым и нуждается в дальнейших исследованиях»¹³⁷. Ясности в позицию автора не внесли и его работы, посвященные А.С. Лаппо-Данилевскому, в том числе и его совместный с А.В. Малиновым труд «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001)¹³⁸.

Э.Д. Фролов в монографии «Русская наука об античности» (1999) рассмотрел процесс становления «петербургской школы» в области антиковедения. В этом отношении особое внимание автор уделил анализу творчества М.С. Куторги. Характеризуя методологию научной работы М.С. Куторги, Э.Д. Фролов отметил, что хотя «конечную цель исторического исследования Куторга видел в выяснении общего хода человеческой истории... он считал необходимым для ученого сосредоточиться на исследовании какого-либо одного исторического периода» и «был безусловным сторонником критического метода»¹³⁹. Автор пришел к выводу что, к «Куторге, как к единственному источнику, восходит целый ряд родственных научных течений — не только в науке об античности, но и в медиевистике, в византиноведении, в изучении нового времени»¹⁴⁰. Эти наблюдения дали возможность историографу вслед за С.Н. Валком назвать М.С. Куторгу «родоначальником петербургской исторической школы»¹⁴¹.

В.П. Корзун обращается к анализу понятия «петербургская историческая школа» в своей монографии «Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв.» (2000).¹⁴² В.П. Корзун полагает, что на рубеже веков происходит процесс сближения петербургской и московской исторических школ и происходит складывание так называемой «новой волны историков» (понятие приводится с ссылкой на В.А. Муравья).¹⁴³ В то же время вслед за С.В. Чирковым В.П. Корзун подчеркивает существование двух различных направлений в рамках «петербургской школы» (А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова), хотя точка зрения последнего о том, что оба эти направления объединяло «противостояние московской исторической школе», представляется ей спорной¹⁴⁴. В.П. Корзун указывает на стремление нового поколения московских и петербургских историков «к преодолению заданной традицией демаркационной линии между школами», анализируя в этой связи отношения, складывавшиеся между С.Ф. Платоновым и П.Н. Милюковым в конце 1880-х — 1890-е гг.¹⁴⁵ В.П. Корзун отмечает, что наше исследование, посвященное взаимоотношениям С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского, позволило ей «сделать следующий шаг» — применить к данному сюжету «парадигму интеллектуальной истории». Отправными в этом анализе стали, по словам автора, два тезиса. Первый (приводится со ссылкой на М.П. Мохначеву) заключается в следующем: «Согласно теории межличностных коммуникаций в

науке такой тип наукотворческой деятельности (сообщества открытого типа как самоорганизация научного знания — *Е.Р.*) строится по принципу рассредоточенной сети с довольно низкой степенью связанности, на фоне которой выделяются отдельные локальные уплотнения — отдельные более сплоченные группировки исследователей». Подобный тип научных объединений «характерен для периода проблемной ситуации в научной дисциплине. Он перерождается в сильно сплоченное образование, характерное уже периоду разрешения проблемы». Второй тезис, на который опирается В.П. Корзун, «связан с особенностями внутреннего мира ученого и необходимостью фиксации внутренних привычек (*habitus*), которые “встраиваются в человека в процессе социализации”, или, согласно другой версии, выбираются конкретным человеком»¹⁴⁶. Заявленный автором глубокий теоретический подход, дал возможность прийти и к новым содержательным выводам. В.П. Корзун, ссылаясь на наши наблюдения, полагает, что причины охлаждения отношений между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым в 1890-е гг. в различии научно-теоретических взглядов двух ученых. В то же время она замечает: «Данная ситуация отражает, на наш взгляд, и более значительный процесс существенного изменения картины развития самих научных школ рубежа XIX—XX веков. Внутри них наблюдается выделение различных предметных полей исследования (напомним, что само противопоставление объекта предмету в теоретическом плане формулируется в начале XX века). Научные исследования становятся предметно не совпадающими. Обратившись к петербургской школе, можно заметить, что присущий ей принцип научного реализма А.С. Лаппо-Данилевский применяет к анализу базовых оснований исторического исследования, С.Ф. Платонов — к научной документированности при исследовании конкретного исторического процесса». Вслед за С.В. Чирковым В.П. Корзун подчеркивает различие между функциональной (учебной) школой С.Ф. Платонова и нефункциональной (академической) школой А.С. Лаппо-Данилевского¹⁴⁷. Среди новых выводов, к которым пришла В.П. Корзун, стало и выделение ею наряду с эмпирическим и «социологического» направления петербургской школы, которое по ее словам, представлял Н.И. Кареев¹⁴⁸. Впрочем, из изложения автора не вполне ясно, каким образом социологическое направление Н.И. Кареева связано с петербургской школой «научного реализма».

Отдельного упоминания заслуживает и учебное пособие «Введение в историографию отечественной истории XX века», подготовленное В.П. Корзуном в соавторстве с С.П. Бычковым¹⁴⁹. Без сомнения, уже сам подход авторов, связанный с размещением материала по истории науки по научным направлениям и школам, выгодно отличает этот учебник от историографических пособий советского и начала постсоветского времени, когда за основу историографического построения принимался не методологический принцип, а концептуальный, философско-исторический или даже политический¹⁵⁰. Четвертая глава пособия

носит название «Петербургская школа русских историков в конце XIX — начале XX веков»¹⁵¹, определенный интерес представляет и первый параграф третьей главы под названием «Школы в науке. Историографы о московской и петербургской школах, их взаимоотношения»¹⁵². В целом здесь повторяются положения рассмотренной выше монографии. Однако есть и новые суждения. Подводя итог полемики о «петербургской школе», С.П. Бычков и В.П. Корзун справедливо отмечают: «Практически все современные исследователи признают неоднородность петербургской исторической школы русских историков в начале XX в. Одни говорят о двух направлениях внутри школы, другие делают вывод об изменении ее конфигурации, вплоть до разрыва и складывания принципиально иной школы. И в первом и во втором случае речь идет о ярких фигурах С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского и сообществах, возникших вокруг них»¹⁵³. Далее авторы называют основную черту «петербургской школы»: «В качестве сущностной черты петербургской школы ее участники и историки называют особое отношение к историческому источнику» и подчеркивают, что «однако в понимании особого признака петербургской школы — источника — не было единства». Вслед за нами С.П. Бычков и В.П. Корзун¹⁵⁴ рассматривают систему исторической методологии С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского и приходят к выводу, что «за такими различиями в понимании источника стояли различные методологические ориентиры: для Платонова — старый добрый позитивизм, для А.С. Лаппо-Данилевского — неокантианство»¹⁵⁵. Объясняя противоречия между А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым, авторы замечают: «Современные исследователи (А.Н. Цамутали, Е.А. Ростовцев) связывают обозначенные противоречия с двумя направлениями в исторической науке — эмпирическим и социологическим»¹⁵⁶. По-видимому, к эмпирическому направлению в науке здесь относится С.Ф. Платонов, а к социологическому направлению — А.С. Лаппо-Данилевский с его неокантианством. Не беремся судить о работах А.Н. Цамутали, но в своем автореферате и статьях, посвященных этому вопросу, мы подчеркивали несколько иное: С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский (который основал, по выражению А.Е. Преснякова, «теоретическую», но не социологическую школу) принадлежали к «петербургской исторической школе», которая в целом находилась в оппозиции социологическому (по своему характеру преимущественно позитивистскому и неразрывно связанному с московской школой В.О. Ключевского) направлению в исторической науке начала XX в.

Тему «петербургской исторической школы» затрагивает А.Ю. Дворниченко в своей монографии, посвященной творчеству В.В. Мавродина (2001)¹⁵⁷, который долгие годы являлся деканом исторического факультета ЛГУ и заведующим кафедры русской истории. Автор отмечает, что время учебы В.В. Мавродина в Ленинградском университете в конце 1920-х гг. совпало с «периодом ухода из университета блестящей дореволюционной «петербургской школы»»¹⁵⁸.

В то же время в работе А.Ю. Дворниченко содержится и следующее наблюдение: «Яркая черта творчества Мавродина — пронизанность его историографией. В лучших традициях петербургской исторической школы, основателем которой был К.Н. Бестужев-Рюмин, Мавродин каждому сюжету, которым занимается, дает глубокую историографическую трактовку»¹⁵⁹. «Историографичность» научного построения является очевидным достоинством и в определенном смысле родовым признаком школы В.В. Мавродина (и в этом смысле, — отчасти и школы Ленинградского университета 1960—1980-х гг.); однако относить эту черту научного метода к более раннему времени — периоду «блестящей петербургской школы» без достаточных аргументов — значит искусственно объединить две различные университетские школы в области русской истории.

В статье Т.И. Сидненко «Петербургская школа историков (либеральное направление)» (2002) осуществлена попытка объединить в рассмотрении проблемы «петербургской школы» политический, методологический и корпоративный критерии, без какой-либо попытки выстраивания иерархии между ними. Такой подход с неизбежностью привел автора к включению в ряды одной школы всех крупных историков Петербурга рубежа веков: А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареева, А.Е. Преснякова, А.А. Корнилова, С.Ф. Платонова, М.М. Ковалевского, И.М. Гревса и др.¹⁶⁰ Очевидно, что изложение, построенное с таких позиций, носит чисто описательный характер.

Постепенно понятие «петербургской школы» все более прочно входит в научный оборот. В частности, отражением этого процесса следует считать появление целого ряда учебных курсов по отечественной историографии, где этой проблеме уделяется существенное внимание. Здесь можно отметить, кроме упомянутого учебного пособия С.П. Бычкова и В.П. Корзун, также пособия А.Н. Зашихина¹⁶¹ и В.Я. Мауля¹⁶². В целом, излагая учебный материал, авторы этих пособий следуют концепции «петербургской школы», изложенной С.Н. Валком и в новейшее время развитой Б.В. Ананьичем и В.М. Панеяхом. В то же время, например, в пособии по историографии, составленном Н.Г. Георгиевой, термины «московская» и «петербургская» школы историков вообще не упоминаются¹⁶³. В новейшем учебнике по историографии под редакцией М.Ю. Лачаевой изложение строится по биографическому признаку, а в заключительной главе, по-видимому, хотя и признается значение «научных школ», подчеркивается «движение этих школ навстречу друг другу».¹⁶⁴

IV

Подводя итог обзору использования дискурса «петербургская историческая школа» в научной литературе, можно отметить, что историографы не только понимали его по-разному, но, по-видимому, и руководствовались различной мотивацией, строя с его помощью изложение. В этом смысле мы можем гово-

речь о существовании в современной историографии нескольких дискурсов «петербургской школы», хотя и восходящих к одному набору текстов (П.Н. Милюкова, А.Е. Преснякова и С.И. Валка), рассмотренных выше.

Часть исследователей в определении понятия «петербургская школа» были ведомы социальными и политическими мотивами, часть — стремлением подчеркнуть свою собственную (или определенной корпорации) принадлежность к данной историографической традиции, часть рассматривает понятие как важный элемент построения общей картины национальной историографии. Последний подход кажется наиболее перспективным, и прежде всего тогда, когда в его основу положено понятие методологии исторического исследования. Однако, и в данном случае перед историографом встает важнейший вопрос: как используя привычный дискурс, оказаться способным к его критическому восприятию и исследованию того историографического феномена, который послужил источником для его формирования?

Действительно, вопрос об инструментах, который историк исторической науки может считать пригодным для исследования феномена «школы» является непростым. Продуктивными являются попытки анализировать конкретные сюжеты истории научных школ не с позиций конкретных социологических конструктов, а используя глобальные модели философии науки (в том числе разработанные К. Поппером¹⁶⁵, Т. Куном¹⁶⁶, П. Фейрабеном¹⁶⁷ и др.). Таким образом, мы сможем не только описать результаты исследования с помощью общих категорий, предложенных философами науки («научная революция», «фальсифицируемость теории», «эстернализм», «интернализм» и т.п.), но и использовать их как инструмент, обеспечивающий единство интриги исследования.

Центральной для понимания проблематики научной школы может стать разработка проблем исторической антропологии науки. Считается, что историческая антропология обратилась к рассмотрению этой сферы с начала 1980-х гг.¹⁶⁸ По мнению Д.А. Александрова, впервые обратившегося с позиций этого исследовательского подхода к российскому материалу, задачей историко-антропологического направления является «изучать науку как быт людей, именующих себя учеными»¹⁶⁹. В то же время можно спорить о том, в какой степени согласованы различные элементы методологии этого направления (восходящие даже в своей терминологии к различным социологическим и философским парадигмам), хотя его проблематика является захватывающе интересной: история отношений власти и подчинения в науке, ритуалов, научных кружков, «патронажа науки», «повседневности научного учреждения», «научных практик», «жизненных миров» ученых¹⁷⁰. Не отрицая несомненной перспективности исследования данной тематики, можно заметить, что перечисленное, по преимуществу, касается *форм* организации научного познания и общения ученых между собой и с обществом, в связи с этим пока не ясно, в

какой степени эти социологические конструкты применимы для характеристики конкретно-исторического содержания развития науки. Противопоставляя историческую антропологию социологии науки, Д.А. Александров отмечает, что последняя «осудив объективизм науки сохранила его для себя в полной мере» и «социолог, объясняющий конструирование знания учеными, как бы повторяет ученого, разоблачающего фокусника или спирита». Что же касается исторической антропологии, то она, по его словам, ставит задачу «понимания других культур и других форм жизни» «и тем самым признает право этих форм жизни на существование»¹⁷¹. Однако очевидно, что подобное впечатление создается зачастую лишь внешне, за счет методологического эклектизма, в условиях отказа исследователя от системного анализа, а потому и может быть обманчивым. В то же время отказаться от антропологического подхода в изучении истории научных школ вряд ли возможно, поскольку только исследование «субъективного фактора» часто и позволяет выявить те скрытые пружины внутринаучных взаимоотношений, которые подвигали ученых на конструирование собственных исследовательских парадигм и научно-исследовательских программ. Поэтому личность ученого, его мировоззрение, круг общения, внутренних мир, характер — неотъемлемые компоненты объекта исследования.

Исходя из предшествующих рассуждений, осмелимся предположить, что дискурс «петербургской школы» наиболее эффективно используется, когда выступает не столько как застывший объект исследования, сколько как один из историографических инструментов, призванных способствовать объяснению тех или иных явлений исторической науки, как конкретных (отдельные историографические факты: работы историков, их взаимоотношения и т.п.), так и более общих (научно-исследовательская программа, научная парадигма, научная революция и т.п.).

В ряде наших работ мы попытались именно с этих позиций сформировать собственный взгляд на феномен «петербургской исторической школы» и предложить свое понимание ее дискурса. Анализируя концепцию «петербургской школы», предложенную в работах Б.В. Ананьича и В.М. Панеяха (1997) автор настоящего доклада пришел к выводу, что «указанные источники» (высказывания А.Е. Преснякова и П.Н. Милюкова) «рассматривают разные свойства историографических феноменов и не могут быть привлечены в качестве оснований для оценки одного и того же явления — “петербургской исторической школы”» и что «во всяком случае, такая постановка вопроса невозможна без оговорки об эволюции школы, со специальным исследовательским пояснением в отношении механизма и этапов данного процесса». В статье «Термин “петербургская историческая школа” в историографических источниках» были рассмотрены историографические основания появления этого термина, и сделан вывод о том, что «термин “петербургская историческая школа”... основывается на некоем противоречивом историографическом представлении»¹⁷².

Впоследствии, отталкиваясь от рассуждений С.Н. Валка, мы попытались проанализировать процесс становления методологической традиции «петербургской школы» и выделили три этапа ее развития, пришли к выводу о формировании в конце 1890-х гг. двух направлений «школы»: теоретического (А.С. Лаппо-Данилевского) и эмпирического (С.Ф. Платонова)¹⁷³.

В нашей книге «А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа» (2004) понятие «петербургская историческая школа» также рассматривается как течение в отечественной исторической науке, в основе которого находилась определенная методологическая традиция. Поэтому дискурс «петербургской школы» используется не только для обозначения той ученой корпорации, в которую входил А.С. Лаппо-Данилевский, но и как основной инструмент для объяснения «научно-исследовательской программы» ученого, значения его творчества для исторической науки¹⁷⁴.

Представляется, что дискуссия о «петербургской исторической школе» может быть более плодотворной, а использование этого дискурса более продуктивным, если для нас будет лучше ясна историографическая природа этого понятия.

Примечания

¹ Речь идет о работах Г. Башляра, А. Койре, Т. Куна, К. Поппера, С. Тулмина, П. Фейербанда, И. Лакатоса, Я. Хийтиikki и других авторов. См. об этом напр.: Черняк В.С. Особенности современных концепций развития науки // В поисках теории развития науки (Очерки западноевропейских и американских концепций XX века). М., 1982. С. 12–50.

² Ср.: Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2002. С. 12.

³ Школы в науке. М., 1977.

⁴ См., напр.: Лайтко Г. Научная школа — теоретические и практические аспекты // Школы в науке. М., 1977. С. 218.

⁵ Гасилов В.Б. Научная школа — феномен и исследовательская программа на-уковедения // Школы в науке. М., 1977. С. 144–148.

⁶ См.: Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 7–24.

⁷ См.: Дмитриев А.Н. Проблемы формирования «строгой науки» в гуманитарном знании // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I. С. 329–349.

⁸ См., напр.: Коноплев Н.С. Принцип детерминизма как методологическая основа гуманитарных наук. Иркутск. 1986; Гайденоко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развития первых научных программ. М., 1980.

⁹ Беленький И.Л. К проблеме наименований школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. II. С. 64–65.

¹⁰ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000. С. 7–108.

¹¹ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург–Омск, 2000. С. 77–81.

¹² Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (школа западно-русского права). Брянск, 1996. С. 3–16. Ср.: Михальченко С.И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994. С. 59–62.

¹³ Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // Клио. Журнал для ученых. 1998. № 2 (5). С. 14–26.

¹⁴ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. С. 12–13.

¹⁵ См., напр.: Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч. 1–2; Сеницын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.

¹⁶ См.: [Милюков П.Н.] [Рец.:] Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // Русская мысль. 1892. № 2. Библиографический отдел. С. 64–66; Ср.: Трибунский П.А. П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры Древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 5–12.

¹⁷ См.: [Милюков П.Н.] [Рец.:] Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера. С. 65.

¹⁸ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 90–90 об.

¹⁹ См. об этом: Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни. Рязань, 2001. С. 70–72; Ростовцев Е.А. Рецензия на книгу А.В. Макушина и П.А. Трибунского «Павел Николаевич Милюков: труды и дни» // Клио. Журнал для ученых. 2003. № 1 (20). С. 235–240.

²⁰ См.: Милюков П.Н. Источники русской истории и историография // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. Отв. редактор, составитель и автор предисловия М.Г. Вандакловская. М., 2002. С. 358.

²¹ См. напр.: Чирков С.В. Археология и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 19–27.

²² См.: Платонов С.Ф. В.О. Ключевский (1839–1911). Некролог // ЖМНП. 1911. Новая серия. Ч. XXXVI. Ноябрь. С. 30–36.

²³ Лаппо-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100–116.

²⁴ Пресняков А.Е. Дневник. 29 июля 1890 г. // Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 36. Л. 245–246.

²⁵ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

²⁶ Платонов С.Ф. [Рец.:] соч. А.Е. Преснякова Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII – XV ст. Пг., 1918] // Международная политика и мировое хозяйство. Кн. 8. 1918. С. 100.

²⁷ Рождественский С.В. [Рец.:] Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства // РИЖ. Кн. 5. С. 279–290.

²⁸ Рождественский С.В. [Рец.:] Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. С. 281. Ср.: Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков (1870–1929). СПб., 2002. С. 43.

²⁹ См.: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 // Руковод. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 792–801.

³⁰ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 55 об. – 56.

³¹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 16–17, 25, 27–28.

³² Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 204, 210.

³³ Там же. С. 205–209.

³⁴ Там же. С. 205.

³⁵ Пресняков А.Е. [Рец.:] Вестник социалистической академии. 1922. № 1–3 // Анналы. 1923. С. 279–281.

³⁶ Там же. С. 281.

³⁷ Академическое дело 1929–31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. I.

³⁸ Невский В.И. [Рец.:] А.С. Лаппо-Данилевский «Методология истории» // Печать и революция. 1923. № 7. С. 182.

³⁹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 497–502.

⁴⁰ Там же. С. 502.

⁴¹ Там же. С. 502–509.

⁴² Федотов Г.П. Россия Ключевского // Современные записки. Париж, 1973. № 50. С. 340–362 (новейшее изд. — Федотов Г.П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 329–348).

⁴³ Федотов Г.П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. С. 346.

⁴⁴ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 256.

⁴⁵ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 161–163.

⁴⁶ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79. (Переиздание: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106).

⁴⁷ Там же. С. 57.

⁴⁸ Там же. С. 54.

⁴⁹ Там же. С. 50, 52.

⁵⁰ Валк С.Н. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 114–115.

⁵¹ Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С. 30–51.

⁵² Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 201–231.

⁵³ Там же. С. 204–205.

⁵⁴ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

⁵⁵ Там же. С. 80—81.

⁵⁶ Там же. С. 81.

⁵⁷ Там же. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 145.

⁵⁹ См.: Там же. С. 145—150.

⁶⁰ Там же. С. 99.

⁶¹ Цамутали А.Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX века // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26—28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 166—168.

⁶² Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // В.О. Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 282—289.

⁶³ Там же. С. 288.

⁶⁴ Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н. Сергей Федорович Платонов. Биографический очерк // Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. LXIII—LXXIV.

⁶⁵ Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 538—552.

⁶⁶ Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 19—27.

⁶⁷ См.: Чирков С.В. [Выступление на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С. Н. Валка] «С.Н. Валк — исследователь истории русской исторической науки» // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 309—310.

⁶⁸ Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века. С. 23.

⁶⁹ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 53.

⁷⁰ Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 8. С. 40—53.

⁷¹ Ананьич Б.В. 1) «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки М., 1996; 2) О воспоминаниях Н.С. Штакельберг // In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 78—90; Панях В.М. 1) Б.А. Романов об издании судебных книг XV—XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С. 19—20; 2) «Настоящая жизнь»: Борис Александрович Романов студент Петербургского университета. 1906—1911 годы // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996; 3) Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 21—23.

⁷² Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105—118. См. также: Ananiach B.V., Paneyah V.M. The St. Petersburg school and its fate // Russian studies in history. 1998. Vol. 36. № 4. P. 72—92; Ananiach B.V., Paneyah V.M. The St. Petersburg school and its fate // Historiography of Imperial Russia. London, 1999. P. 146—162.

⁷³ Ананьич Б.В., Панеях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе. С. 106.

⁷⁴ Там же. С. 106.

⁷⁵ Там же. С. 109.

⁷⁶ Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов.

⁷⁷ Там же. С. 21 и др.

⁷⁸ См.: Там же. С. 21–23 и др.

⁷⁹ Там же. С. 266.

⁸⁰ Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. С. 80 и др.

⁸¹ Там же. С. 103.

⁸² Там же. С. 362.

⁸³ Там же. С. 59, 329–331.

⁸⁴ Каганович Б.С. [Рец.:] Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 210–211.

⁸⁵ См.: [Жуковская Т.Н., Марголис А.Д. От составителей] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 6.

⁸⁶ Кривошеев Ю.В. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. С. 55–58.

⁸⁷ Альшиц Д.И. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. С. 58–59.

⁸⁸ См.: Там же. С. 60–62.

⁸⁹ Немилев А.Н. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. Там же. С. 62–67.

⁹⁰ Дубенцов Б.Б. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. Там же. С. 67–68.

⁹¹ Жуковская Т.Н. Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. С. 8–14.

⁹² См.: Гутнова Е.В. Историография средних веков. Учебник для студентов. М., 1985. С. 9–10.

⁹³ Жуковская Т.Н. Некоторые размышления о «петербургской школе». С. 9.

⁹⁴ Там же. С. 10–12.

⁹⁵ Там же. С. 13.

⁹⁶ См.: Жуковская Т.Н. Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX–XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы международной конференции (2–5 февраля 2000 года). Петрозаводск, 2000. С. 341–349.

⁹⁷ Кистерев С.Н. Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России. Сб. статей. М., 2003. Вып. 7. С. 5–28.

⁹⁸ Там же. С. 20.

⁹⁹ Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург–Москва» // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 533–537. Ср.: Шмидт С.О. Сергей

Федорович Платонов (1860—1933) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история. С. 100—135.

¹⁰⁰ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 108.

¹⁰¹ Погодин С.Н. [Рец.: Е.И. Чапкевич Пока из рук не выпало перо... (Жизнь и деятельность Е.В. Тарле) Орел, 1994; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков] // ВИ. 1997. № 6. С. 169.

¹⁰² Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д.и.н. СПб., 1996. С. 15.

¹⁰³ Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. Автореферат... С. 16. Ср.: Брачев В.С. 1) Русский историк Сергей Федорович Платонов. Части I—II. СПб.: «Минерва», 1995 (второе изд. — Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997. С. 244); 2) Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). СПб., 1997. С. 80—81; 3) Русский историк А.Е. Пресняков (1870—1929). С. 77—78 и др.

¹⁰⁴ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 241.

¹⁰⁵ Брачев В.С. [Рец.:] Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории / Подготовка текста, статьи и примечания М.Б. Свердлов М., 1993 // ОИ. 1995. № 3. С. 198—201.

¹⁰⁶ Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. Автореферат... С. 16.

¹⁰⁷ См.: Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С. 257—260 и др. Ср.: Панеях В.М. [Рец.:] В.С. Брачев Русский историк Сергей Федорович Платонов. Части I—II. СПб.: «Минерва», 1995. // ОИ. 1998. № 1. С. 136—141.

¹⁰⁸ Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С. 257.

¹⁰⁹ Брачев В.С. «Дело историков» 1929—31 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998. С. 115.

¹¹⁰ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 8—9.

¹¹¹ Там же. С. 10.

¹¹² Цит по: Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 65—80. См.: Альшиц Д.Н. Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2001. С. 11. Ср.: Альшиц Д.Н. [Выступление в прениях] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня. С. 62.

¹¹³ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 11.

¹¹⁴ Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков. С. 13, 21. Ср.: Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 95.

¹¹⁵ Брачев В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834—1929 гг.). С. 132.

¹¹⁶ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 7, 69.

¹¹⁷ Там же. С. 142—143. Ср.: Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков. С. 45.

¹¹⁸ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 7, 69.

¹¹⁹ См.: Платонов С.Ф. [Рец.: соч. А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства». Очерки по истории XIII—XV ст. Пг., 1918]. С. 99—100.

¹²⁰ Брачев В.С. Петербургская археографическая комиссия (1834—1929 гг.). С. 7.

¹²¹ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 8.

¹²² Брачев В.С. [Рец.:] Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории / Подготовка текста, статьи и примечания М.Б. Свердлова М., 1993 // ОИ. 1995. № 3. С. 198—201; Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995; Приложение. Брачев В.С., А.Е. Пресняков. С.Ф. Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б. Свердлову (1996) // Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков (1870—1929). С. 72—83.

¹²³ Панях В.М. [Рец.:] В.С. Брачев Русский историк Сергей Федорович Платонов. С. 136—141.

¹²⁴ Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков»...

¹²⁵ См.: Брачев В.С. [Рец.:] Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С. 198—201.

¹²⁶ Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков...». С. 22.

¹²⁷ Приложение. В.С. Брачев, А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б. Свердлову (1996) С. 72—83.

¹²⁸ Там же. С. 79—80.

¹²⁹ Там же. С. 83.

¹³⁰ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С. 11.

¹³¹ См.: Панях В.М. [Рец.:] В.С. Брачев. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С. 136—141. В обсуждении книги В.С. Брачева на страницах журнала также приняли участие А.Ю. Дворниченко и Н.Н. Покровский (см.: Дворниченко А.Ю. [Рец.:] В.С. Брачев Русский историк Сергей Федорович Платонов. Части I—II. СПб.: «Минерва», 1995 // Отечественная история. 1998. № 1. С. 134—136; Покровский Н.Н. [Рец.:] В.С. Брачев Русский историк Сергей Федорович Платонов. Части I—II. СПб.: «Минерва», 1995 // Отечественная история. 1998. № 1. С. 142—145).

¹³² Панях В.М. [Рец.:] В.С. Брачев Русский историк Сергей Федорович Платонов. С. 141.

¹³³ Там же. С. 141.

¹³⁴ Брачев В.С. Возражения критикам // Клио. Журнал для ученых. 1998. № 3 (5). С. 347—348.

¹³⁵ Панях В.М. О полемической заметке В.С. Брачева «Возражения критикам» // Клио. Журнал для ученых. № 2 (8). С. 362—364.

¹³⁶ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. Брянск, 1996. С. 4—5.

¹³⁷ Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 17—49.

¹³⁸ Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках. С. 14—26.

- ¹³⁹ Там же. С. 24.
- ¹⁴⁰ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.
- ¹⁴¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 167.
- ¹⁴² Там же. 1999. С. 170–171.
- ¹⁴³ Там же. С. 171.
- ¹⁴⁴ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург-Омск, 2000.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 61–62.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 61.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 71.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 85.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 91–92. Ср.: Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Екатеринбург, 2002. С. 16–17.
- ¹⁵⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). С. 89.
- ¹⁵¹ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.
- ¹⁵² См.: Шапиро А.Л.: 1) Русская историография с древнейших времен до 1917 г. (Учебное пособие) СПб., 1993; 2) Русская историография в период империализма. Л., 1962; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1961 (второе издание – М., 1971); Русская историография. Учебное пособие. Вып. III. Русская историография периода империализма. Редакторы: В.Е. Иллерицкий, И.А. Кудрявцев. М., 1960; Иллерицкий В.Е.: 1) Историография истории СССР. Методическое пособие для студентов-заочников. Чита, 1969; 2) Историография истории СССР. Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969; 3) Русская историография второй половины XIX в. (Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М., 1957; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
- ¹⁵³ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. С. 150–222.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 77–80.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 150.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 154–156. Ср.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.и.н. СПб., 1999. С. 12–14.
- ¹⁵⁷ Бычков С. П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. С. 156.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 157.
- ¹⁵⁹ Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 9.

Историография и литература

¹⁶¹ Там же. С. 175.

¹⁶² См.: Сидненко Т.И. Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. Журнал для ученых. 2002. № 4 (19). С. 24–27.

¹⁶³ Зашихин А.Н. Русская историография от Нестора до наших дней. План-конспект курса «Историография истории Отечества». Архангельск, 1999. С. 11.

¹⁶⁴ Мауль В.Я. Историография отечественной истории (курс лекций для студентов исторического факультета). Комсомольск-на-Амуре, 1999. С. 111–116.

¹⁶⁵ Историография отечественной истории. С древнейших времен до середины XX столетия: Учебно-методическое пособие. Для студентов IV курса по специальности «История». Сост. Г.Г. Георгиева. М., 1997.

¹⁶⁶ Историография истории России до 1917 г. Учеб. для студентов высших учебных заведений. Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. Т. 2. С. 378.

¹⁶⁷ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

¹⁶⁸ Кун Т. Структура научных революций. М., 1985.

¹⁶⁹ Фейрабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

¹⁷⁰ См.: Sciences and Cultures. Antropological and Historical Studies of Science. Dordrecht, 1981. Ср.: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. С. 4.

¹⁷¹ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России. С. 5.

¹⁷² См.: Там же. С. 5–21.

¹⁷³ Там же. С. 21.

¹⁷⁴ Ростовцев Е.А. Термин «петербургская историческая школа» в историографических источниках // Петербургские чтения 98–99. СПб., 1999. С. 417.

¹⁷⁵ Ростовцев Е.А. Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98–99. СПб., 1999. С. 412–415.

¹⁷⁶ См.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 47.